

единиц, привыкших жить «особе» и преследовать только свои корыстные цели, забывая для них общественное благо и порывая ради них самые священные связи. В этом больше, чем в чем-нибудь ином, причина успеха самых диких учений, развития самых зверских страстей, самых преступных замыслов. Нужно, наконец, определенное и твердо поставленное знамя, вокруг которого собралось бы все живое, все не искалеченное в поклонении «случайностям» и способное к общественному делу.

Переходное время должно, наконец, сделаться временем определенным, эпохой с названием, запечатленной известною мыслью, *типическою*, занимающею ясное место в истории России и человечества.

Либерализм и западничество

Вот два слова, искусно связанные и связанные, притом, так, что одно должно служить порицанием другому. Что такое западничество? Словечко это можно объяснить различно; мы берем то объяснение, которое в ходу у известной партии, мнящей чрез западничество унижить и осквернить либерализм.

Западник есть человек, презрительно относящийся к началам и элементам русской народной жизни, видящий в русском народе только грубую и косную массу, которую нужно цивилизовать при помощи средств, целиком заимствованных из запада Европы, и вылепить из него, как из послушной глины, нечто, напоминающее или англичанина, или француза. Коротко говоря, западник есть глупец, руководящийся афоризмом фонвизинского Иванушки¹ — «все несчастье в том, что мы русские». Верно или неверно такое определение — не наше дело; берем его, как ходячее, как истинное для тех, кто в настоящее время искореняет западничество.

Сделав такое утешительное определение, они подсовывают его и под другое словцо: «либерал». Каждый либерал есть западник; ergo, каждый либерал есть глупец и урод, изменяющий своим народным началам, своей родине, вере своих отцов. Это как бы униат, подчиняющийся чужой духовной власти, сохраняя только некоторые формы православия. Отсюда уже само собою следует, что все стремления «либералов» клонятся к одной конечной цели — к извращению всего склада русской жизни на западный лад.

Дальше этого «анализ» нейдет. Другого толкования слово «либерал» не имеет. Но не мало ли этого? Не имеет ли это слово какого-нибудь самостоятельного значения, независимо от западных стремлений? Такого самостоятельного, неподставного, так сказать, определения нам не дают. Поэтому, мы поневоле должны идти путем собирания отдельных признаков, лучше сказать, отдельных обвинений, обращенный против либералов.

Следя за либеральной печатью, мы могли заметить, что она постоянно и с большим усердием произносит разумные слова *свобода и законность*. Правда, она произносит их не в целокупном, так сказать, виде, а применительно к разным отдельным предметам и вопросам. Она много твердит о свободе совести; она с жаром распространяется о свободе печати; она старательно критикует паспортную систему и рекомендует большую свободу передвижения; она горячо приветствовала упразднение III-го отделения², как симптом грядущего обеспечения личной свободы и безопасности каждого; она всегда поддерживала новые суды, как оплот и орудие законности, стало быть, опять-таки, как средство ограждения личных прав каждого; она горячо стояла за земские и новые городские учреждения, как за лучшее средство воспитания общества к самодеятельности и к той же законности; она...

Но, позвольте, о чем мы говорим? Говорим ли мы о «либеральной» печати или о печати вообще, за двумя-тремя печальнейшими исключениями? Говорим ли мы о «западниках» или о «славянофилах»? Выводим ли мы на свет тень Белинского или вызываем из гроба Константина Аксакова?³

Свобода слова? Да кто же ее не хотел, начиная с того времени, как проснулся ум русского человека, и он выучился держать в руках перо? Славянофилы хотели ее в той же мере, как и западники, если не в большей. Перечитайте все произведения Константина Аксакова, и вас поразит высокое, искреннее чувство свободы, жажда этой свободы. Ему принадлежит знаменитая формула: «правительству — сила власти, народу — сила мнения». Он верил в эту формулу, он верил, что она вытекает из самого существа народного духа нашего, и что на ней должны быть построены истинные отношения власти к народу. Посмотрите далее, каким языком говорил его брат, И.С. Аксаков⁴, когда существовали еще его издания, поражавшие всех смелостью и искренностью речи. Так эти люди не хотели свободы слова?

Свобода совести! Да перечтите, пожалуйста, предисловие Самарина⁵ к богословским сочинениям Хомякова (благо оно теперь допущено в продажу), продумайте каждое его слово (это стоит труда), и пред вами встанет величавый образ глубоко верующего человека, которого оскорбляет каждое прикосновение внешней силы к таинству веры, и который видит в этом прикосновении смерть для веры. Именно славянофилы хотели свободы совести искреннее всех, потому что они верили глубже и искреннее других.

Земские и городские учреждения! Но при одном слове «земское и городское» самоуправление пред вами встает тот же образ Самарина, этого крепкого думца и земца, проводившего бессонные ночи над общественными делами и, сверх того, защищавшего новые учреждения своим мощным пером, как это доказывает его брошюра «Революционный консерватизм».

Переберите все desiderata так называемой «либеральной партии», и вы непременно найдете, что в числе лиц, защищавших эти начала, даже служивших им, встретятся «славянофилы» самого крепкого завала.

В течение всего того времени, как наше преобразовательное стремление шло вперед, мы присутствовали не при раздорах «славянофилов» с «западниками», а, напротив, при постепенном и радостном слиянии этих двух лагерей во имя великих национальных интересов. И после, когда движение остановилось, когда возобладал «дух пересмотра», опять-таки лучшие представители того и другого лагеря твердо остались на своих местах и стойко защищали то, что им было одинаково дорого.

Что же мы видим теперь? Старый спор между двумя литературными школами, спор «давно уже решенный и взвешенный судьбою», переносится в наше время, когда уже нет места ни западничеству, ни славянофильству в их прежнем виде. Старые распри поднимаются искусственно вновь и, притом, в таком виде, от которого покраснели бы старые, истые славянофилы. Припомните, как было дело.

Первый акт соглашения между западничеством и славянофильством состоялся ровно двадцать лет назад, за столом, соединившим членов приснопамятных редакционных комиссий. Черкасские⁶ и Самарины протянули руки западникам и пошли с ними вместе к великой и народной цели.

Кстати: недавно мне бросили упрек, что я приписал старым западникам честь приготовления русского общества к отмене

крепостного права и не упомянул о славянофилах. Этот упрек вполне несправедлив. При всем моем глубоком уважении к славянофилам, я не мог приписать им то, что сделали другие. Первые славянофилы *не* занимались общественными вопросами и, в качестве новой школы, вырабатывали еще общие начала своего мирозерцания. В это время западники, уже решившие для себя некоторые общие вопросы, принялись за вопросы общественные, насколько это было возможно. Антон-Горемыка⁷ пробил, дорогу; за ним последовали «Записки Охотника»⁸ и другие подобные произведения. Это случилось во времена ближайшие. А «западник» Радищев⁹ заговорил и раньше. Славянофилы взялись за этот вопрос тогда, когда он был уже поставлен практически, и они сделали свое дело, с тою честностью и искренностью, которые никогда их не оставляли.

Они не только честно сделали свое дело, но и дали великий и благотворный урок тем, кто в нынешнее время мнит идти по их следам. Взявшись за труды по освобождению крестьян, они не допрашивали своих сотрудников из «западников», как и почему они «любят» крестьянина. Любят ли они его с «космополитической» точки зрения, как человека вообще, или как «носителя истинного просвещения»? Они не залезали в чужую душу, не становились нахально в роль исповедников и просили одного честного отношения к делу, чему сами подавали пример. Они сознавали, что великая народная нужда, назревшая веками, требует всех наличных умственных сил для своего разрешения. Когда всей интеллигенции десять с половиною человек и когда на ней лежит тяжелая мировая задача, нечего разбирать, кто «западник» и кто «славянофил», а нужно, чтоб все руки были за делом, так или иначе ставшим общим.

И собралась вкуче небольшая горсть хороших русских людей, ставшая верным орудием царской воли и выразительницею великой народной нужды. Отвернулась она и от «национальных» Коробочек¹⁰, рассуждавших, что владение душами заведено отцами и дедами, и что мужику никак нельзя быть без барина, и от европейничающего барства, шлявшегося по европейским трактирам и салонам и размышлявшего, что отмена крепостного права открывает в России эру революции. Не испугались эти хорошие люди обвинений в том, что они «рушат» старину, что они замаскированные социалисты и революционеры. Не поверили они, что освобожденный народ начнет пугачевщину

и зальет свою родину кровью. Они верили в народ, верили все без исключения, верили и друг другу, и потому совершили свое великое дело.

Да, скажут нам, но то было тогда, в минуту решета величайшего из наших внутренних вопросов. А теперь? А теперь не «такое» время? Теперь, надо полагать, нет вопросов, достаточно общих, достаточно наболевших? Мало, видно, нам нескольких летугара, колоссальнейших и нелепейших недоразумений, тягостного застоя во всех отправлениях нашей внутренней жизни! Нам мало того, что в течение последних лет вся жизнь огромнейшего государства остановилась и атрофировалась под влиянием крамолы и усилий, направленных к ее искоренению!

Вопросов мало? Да составьте, пожалуйста, список вопросов, много лет ждущих своего решения, вопросов, относительно важности которых *все* согласны, потому что твердят о них без перерыва, до изнеможения, до усохнутия горла: список выйдет внушительный, и ни одна «партия» не вычеркнет из него ни одного пункта.

И какие это вопросы! Не теоретические какие-нибудь, не умозрительного характера, а самые жизненные, от злобы дня взятые. Лучше сказать, все эти вопросы, разбитые по частям в нашей печати, сводятся к одному: как пустить в ход все духовные, умственные и промышленные силы нашего народа, чтоб он в самом деле явился мощною *народностью* не в «идее» только и не в возможности, а на самом деле, на миру.

И вот «либералы» полагают, что для действительного проявления наших сил необходимы более льготные условия существования, при которых могло бы развернуться национальное творчество. Не посягают они на «существо» народности; не рекомендуют они ей бестолковой и механической «подражательности». Напротив, они полагают, что перед «подражательности» потому и был возможен, что народ в самом деле представлял пассивную массу, из которой можно было лепить что угодно. Они полагают, что именно при прежних условиях возможно было то обезличение человека, какое мы видим везде, от верхнего слоя до нижнего. А где обезличение, там нет уже места народному я, народному самосознанию, нет, следовательно, места и творчеству, как выражению этого я.

Переживаемый нами момент нашей истории чрезвычайно важен и ужасно труден. Дело идет именно о том, чтоб пробудить,

наконец, народные и общественные силы от долгой спячки, чтоб эти силы вымели и вычистили русскую землю от всего наносного и тлетворного, накопившегося в нашей среде в последнее время, и вывели наше отечество на ту дорогу, по которой подобает идти сильной и великой державе. Не сидеть же нам, в самом деле, слушая социалистические бредни, с одной, и мистические завывания, с другой стороны. Покорно благодарим!

Но как это сделать? Опять-таки, положение наше таково, что выходом из него может быть только выполнение и развитие в подробностях программы, содержащейся в освободительных реформах нынешнего царствования. Почему это так, понять не трудно. Ни один человек, ни один кружок какой-нибудь не могут, не в силах сказать русскому народу (понимая под «народом» все его слои, без вредного и глупого противоположения низших классов высшим), чем он должен быть. И в самом деле, чем должен быть?

Да поймите же раз навсегда, что нельзя приступать к восьмидесятимиллионному народу с готовыми планами его «устройства» и подсовывать ему такие «идеалы», которых он, может быть, (даже вероятно) не имеет.

Все эти планы рухнут при первом прикосновении жизни. Все, что отдельные люди, имеющие влияние, властью ли, пером ли, словом ли, могут сделать на его пользу, это — содействовать улучшению условий, в которых он живет и от качества которых зависит развитие его нравственных и материальных сил. Дайте развиваться этим силам, и он сам делается тем, чем ему «надо быть» по его природе, по его естественным качествам.

Вот в этом-то и состоит настоящая «злоба дня». В этом и состоит то общее дело, на которое должны бы посвятить свои силы те, кому действительно дорого будущее России. Пусть это дело «либеральное» — не виноваты же «либералы» в том, что большинство тех условий, от которых в настоящее время зависит дальнейшее развитие нашей родины, сводится, главным образом, к этому одному слову: освобождение? Какое другое слово слышится во всех совершенных уже преобразованиях? Какое другое слово применимо ко всему тому, что ежемесячно и ежедневно высказывают толстые журналы и тонкие газеты? Найдите, пожалуйста, другое слово, которое не производило бы такого панического страха. Найдите его, и, все-таки, суть дела останется в этом, а не в чем-нибудь ином.

Что же, наконец, об этом говорить? Разве не все (за весьма немногими исключениями) говорят то же? А если все говорить то же, то и желания, очевидно, те же. Из-за чего, спрашивается, теперь, в эту минуту поднимать старый и сданный было в архив спор между славянофилами и западниками, как будто есть теперь малейший повод к такому спору?

Его нет. Все здравомыслящие люди знают и понимают, что это так. Теперь никто, в здравом уме и твердой памяти, не поверит, что Европа «гниет» и развалится в непродолжительном времени. Все знают, почему славянофилы намекали на это в свое время, и никто не видит в этом сути славянофильства. Точно так же никто в настоящее время не сомневается в известных самобытных качествах русского народа, и никто не станет проповедовать неразборчивых заимствований из Европы, которую, кстати сказать, мы понимаем теперь гораздо лучше старых «западников».

Да хотя бы даже кто и говорил против такой «самобытности», то, все-таки, она *есть*, она существует сама по себе и, подобно стихийной, неотразимой силе, обратить в ничто все усилия «всечеловеков». Доказательство, и доказательство огромное, налицо. Над «Положением» о крестьянах, этим существеннейшим актом, касавшимся именно «народа» в теснейшем смысле, работали и западники, и славянофилы. Между тем, освобождение крестьян совершилось у нас совсем не так, как на Западе; между прочим, крестьяне были освобождены с землею. Кому же собственно принадлежит эта мысль: западникам или славянофилам? Кажется, об этом много спорили, да ничего не нашли. А дело просто: мысль была общая. В ту великую минуту все русские умы думали порусски, потому что иначе они и думать не могли. Так будет всегда и во всем, когда важные вопросы будут поставлены на очередь и когда к решению их приступят русские люди.

Это, наконец, пора сознать. Пора, наконец, прекратить это «рассмотрение чужой души», это выворачивание наизнанку чужих побуждений, эту инквизицию, положительно отравляющую существование каждого, кто имеет несчастье говорить об общественных вопросах.

